

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.2>

УДК 811.163.1'42
ББК 81.416.1-51

Дата поступления статьи: 30.03.2016
Дата принятия статьи: 27.04.2016

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА И ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ¹

Марина Васильевна Пименова

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru
ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические единицы древнерусского текста, выражающие оценку. Выделяются три основных типа эвалюативных (франц. *evaluatif* – «оценочный») словесных рядов как законченных в смысловом отношении отрезков письменной речи, организующих древний текст.

Первый тип – эвалюативное описание (ключевые компоненты синтагмы с атрибутивными формами), отражающее восприятие действительности в ее пространственных связях – основан на перечислении статичных соответствующих или не соответствующих идеалу постоянных признаков объектов оценки. Подобные словесные ряды встречаются в оригинальных и переводных летописях, житиях, повестях, хождениях.

Второй тип – эвалюативное повествование, отражающее восприятие действительности в ее временных связях – характеризует объект оценки через развивающиеся действия или состояния и выражает значение ‘делающий / создающий что-либо в соответствии с идеалом’ / ‘поступающий вне идеала’. Повествование, ключевыми компонентами которого являются синтагмы с глагольными формами и наречиями, восходит к проповедям учительной литературы и к народным сказаниям, используя в повестях, житиях, летописях, поучениях.

Третий тип – эвалюативное толкование, ключевыми компонентами которого являются синтагмы с именными формами – оценивает внутреннюю сущность объекта путем установления его совпадения или несовпадения с мелиоративным / пейоративным объектом-эталоном, что чаще всего выражается конструкциями квалификации предмета (явления). Словесные ряды толкования встречаются в житиях, летописях, поучениях, повестях, притчах, апокрифах, «отреченных» книгах, восходя как к Библии, так и к народным загадкам. Отмечается, что в текстах Епифания Премудрого толкование сменяется рассуждением.

Ключевые слова: древнерусский текст, аксиология, семантико-функциональный тип текста, описание, повествование, толкование, рассуждение.

материал показывает, что к основным способам организации древнерусского текста принадлежат, во-первых, *описание* и *повествование*, являющиеся базовыми и для современного текстообразования, во-вторых, «периферийный» с точки зрения синхронии способ, ставящий своей целью конкретизацию абстрактного значения (духовного плана) высказывания, который мы условно называем *толкованием* [7, с. 117].

Способ организации текста во многом зависит от базового типа семантико-синтагматических текстообразующих единиц – *словесных рядов*, под которыми А.И. Горшков (вслед за В.В. Виноградовым) понимает «последовательность (не обязательно непрерывную) представленных в тексте языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционными функциями и соотносительностью с определенной сферой языковой коммуникации или определенным приемом языкового выражения» [3, с. 17]. Словесные ряды отражают взаимоотношение объективной *ценности* реалий окружающего мира и *оценки* как выражения основанного на ментальных стереотипах субъективного отношения к ценности.

Описательный словесный ряд, представляющий восприятие действительности в ее пространственных связях, основан на перечислении статичных, соответствующих (или не соответствующих) идеалу постоянных признаков одушевленных (неодушевленных) объектов оценки. Подобные словесные ряды встречаются в оригинальных и переводных летописях, хрониках, житиях, повестях, хождениях, продолжая как «словесные портреты» устного народного творчества, так и греческие «описания изображения», «описания процесса» (экфрасисы).

В характеризующих описаниях, включающих перечисление постоянных признаков объекта оценки, чаще всего содержится несколько синтагм с синкретичными именами прилагательными, выражающими мелиоративную оценку в линейном ряду в соответствии с единообразным типом внешности и идеальным представлением о наборе моральных совершенств героя, например: *О Борисѣ, какъ бѣ възъръм... Гѣльмъ бяше красенъ, высокъ, лицъмъ круглъмъ, плечи велицѣ, тѣнькъ въ чресла, очима добраама, весель лицъмъ,*

рода мала и усъ младъ бо бѣ еще, свѣтятся цесарьскы, крѣпкъ тѣльмъ, всячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвѣтми въ уности своеи, в ратьхъ хрѣбъръ, въ свѣтѣхъ мудръ и разумнъ при всемъ и благодать божия цвѣтяше на немъ (СкБГ, с. 302). Пейоративные описания связаны с многообразно-индивидуальными отклонениями от нормы, например: [Фока Мучитель] *възрастом же тѣлеснымъ бѣ срѣдни, злообразенъ, грозенъ имѣя възоръ, а космы чрѣмны и вѣжда, браду же си стрижаши, имѣя брадавицу на образѣ своем, яже егда разъяришеся, посинѣваше* (пример из: [6, с. 193]).

Описания неодушевленных объектов оценки (например, общего вида какой-либо местности) встречаются в древнерусских текстах относительно редко, причем это исключительно мелиоративные словесные ряды, реализующие значение ‘богатый’ / ‘красивый’, например: *И нынѣ по истиннѣ есть земля та богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добром... по горамъ тѣмъ краснымъ <...> И воды добры суть в мѣсте томъ и всѣмъ здрави, и есть мѣсто то и красотю и всѣмъ добром. Несказанна есть земля та около Феврона!* (ХождИгДан, с. 70). Кроме того, мелиоративная оценка выражается на уровне контекста в целом, характеризуя природные богатства с качественной / количественной стороны: горы (*превысокия горы*); растительность (*и всякимъ овощомъ обилна есть зѣло, и овощми преизобилно, и виногради мнози, и дрѣвеса много овощнаа стоятъ бес числа*); реки, озера, источники (*и стремнины глубокия, и воды добры суть, источници водни мнози студени*); животный мир (*и скотомъ умножена есть, и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ, и пчелами увязло ту есть*) и под. (ХождИгДан, с. 70, 84–86).

Повествовательный словесный ряд, отражающий восприятие действительности в ее временных связях, характеризует объект оценки через развивающиеся действия или состояния и выражает значение ‘делающий / создающий что-либо в соответствии с идеалом’ (или ‘поступающий вне идеала, что приводит к эстетико-этической пейоративности’). Повествование восходит к проповедям учительной литературы и к народным сказани-

ям, используя в повестях, житиях, летописях, поучениях.

Выражающие мелиоративную оценку повествовательные ряды встречаются в тексте «Домостроя», содержащем перечисление действий, которые соответствуют эстетике поведения христиански ориентированной личности во время таинства богослужения: *А въ цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхом и трепѣтомъ, и со въздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣвнѣя из церкви не исходити, а приити к началу* (Домострой, с. 82).

Эксплицирующее пейоративную оценку повествование представлено, например, в эсхатологическом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам». При помощи синтагм с глагольными формами настоящего и прошедшего времени перечисляются мучительные состояния, в которых пребывают грешники после смерти: ростовщик (*и увидѣ святая богородица мужа висяща за нози, и черви ядыху его*); сплетница (*видѣ жену висящу за зубъ, и различныя змя исхожаху изо устѣ ея и ядыху ея*); расхититель церковного добра (*видѣ святая на друзѣмъ мѣстѣ висяща мужа за четверо, за вся края ноготь его, исхожаше кровь велми зѣло, и языкъ его вязашеся отъ пламени огненаго*); священнослужители, которые роняли на землю крупинки просвиры (*и видѣ попы висяща отъ краи ногти, исхождаше огонь отъ тѣмяни ихъ и опаляше я*); попадьи, которые после смерти своих мужей вновь вышли замуж (*и видѣ пресвятая жены висяща за вся ногти и пламени исхожаше изо устѣ ихъ и опаляше вся, и змя исхожаше изъ пламени того и прилѣпяху къ нимъ*); монахини-блудницы (*видѣ другия жены во огни лежаши и различныя змя ядыху ихъ*) и прочие грешники (*и близъ тоя рѣки бяше тма мрачна: ту лежаше множество мужъ и женъ, и клоктаху яко въ котлѣ и яко морскія волны, и ображаются надъ грѣшники, да егда волны возхождаху, и погружаху грѣшники*

1000 локоти) (Хождение Богородицы, с. 170, 172, 174, 176).

Толкование восходит как к экзегезе библейских притч, так и к вопросно-ответной форме народных загадок, встречаясь в притчах, апокрифах, поучениях, житиях, летописях, повестях, «отреченных» книгах. В словесных рядах толкования объект оценивается путем установления его совпадения (или несовпадения) с каким-либо отвечающим идеальным требованиям объектом-эталонном.

Первый вид толкования, проявляющийся на уровне словосочетания – *определятельный* (Е.М. Верещагин называет его *ментализацией* и рассматривает как прием терминотворчества: [2]; см. также: [1]) – состоит, во-первых, в употреблении атрибутивных словосочетаний (**Adj** + **N** / **N** + **Adj**; конкретное существительное + имеющее абстрактное значение прилагательное), во-вторых, в применении восходящих к греческим текстам генетивных конструкций (**N** + **N**₂; конкретное существительное + существительное абстрактного значения в родительном падеже).

Сравним не содержащий толкования символов (объектов-эталонов) «исходный» текст Григория Богослова и его толкование Кириллом Туровским в «Слове на антипасху».

Ср.: (Григорий Богослов) *Нынѣ же ратаи рало погружаетъ... и подъ яремъ ведетъ вола орачь, и прочертаетъ сладкую бразду, и надеждами веселится... и рыбарь глубины прозираетъ, и мрежу очищаетъ, и камениемъ пресѣдитъ... Нынѣ же гнѣздо птица устрояетъ, и ово убо привосходитъ, ова же вселяется, ова же облѣтаетъ, и оглашаетъ дугъ и приглаголюетъ челоуѣку* (цит. по: [5, с. 434]) – (Кирилл Туровский) *Нынѣ ратаи слова, словесныя юнца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаания прочертаяюще, и сѣмя духовное всѣвающе, надеждами будущихъ благъ веселятся... и рыбаи глубину божия въчелоуѣченія испытавше, полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають... Ныня вся доброголасныя птица церковныхъ ликов гнѣздящаяся веселятся. И птица бо, рече пророк, обрѣте гнѣздо себѣ алтаря твоя... и свою каяждо поющи пѣснь славятъ Бога гласы немолчьными <...> Ныня*

зима **грѣховная** покаяниемъ престала естъ (КТур, с. 417). Приведем еще иллюстрации из «Слова о законе и благодати» киевского митрополита Илариона: *Иудѣи бо при свѣштити законнѣи дѣлааху свое оправдание, християни же при **благодѣтнѣим** солнци свое спасение зиждють* (ИларСлЗак, с. 585); *По всеи бо земли суша бѣ прѣжде, идольстѣи льсти языки одержашити и росы **благодѣтныа** не приемлющемъ* (ИларСлЗак, с. 586); *И законное езеро прѣсѣше, **евангельскыи** же источникъ наводнився и всю землю покрывѣ, и до насъ разлися* (ИларСлЗак, с. 589); *Пустѣ бо и прѣсѣхлѣ земли нашеи суци, **идольскому** зною исушивъшию, вънезапу потече источникъ **евангельскыи**, напаая всю землю нашу, яко же рече Исаия: «Разверзется вода ходяциимъ по безднѣ, и будетъ безводнаа въ блата, и въ земли жажущии источникъ воды будетъ»* (ИларСлЗак, с. 590); *Тогда начатъ мракъ **идольскыи** от нас отходити, и зорѣ **благовѣрия** явишася, тогда тма **бѣсслужаня** погыбе и слово **евангельское** землю нашу осия* (ИларСлЗак, с. 592).

Таким образом, в «Слове...» К. Туровского конструкция **Adj + N / N + Adj** реализуется в следующих словосочетаниях: *словесныа юнца, къ духовному ярму, крестное рало, въ мысленыхъ браздахъ, сѣмя духовное, зима грѣховная, полну церковную мрежу, доброгласныа птица, при свѣштити законнѣи, при **благодѣтнѣим** солнци, росы **благодѣтныа**, законное езеро, **евангельскыи** источникъ, **идольскому** зною, **мракъ** **идольскыи**, **зорѣ** **благовѣрия**, **тма** **бѣсслужаня**; конструкция **N + N₂** реализуется в словосочетаниях *ратаи слова, бразду покаания, надеждами будущихъ благъ, глубину божия въчеловѣчения* и др.*

В отдельных случаях атрибутивное словосочетание объединяет абстрактное существительное и конкретное прилагательное, например: *Бчелы ничимъ же хужшу ему быти разумѣю, **медоточныа глаголы** испущаа, **цвѣтовныхъ словесъ** сотъ съплѣтаа, да **клѣтца** сладости сердцю исплнѣти* (СлЖитДмДон, с. 222); *предсѣданиемъ словесъ учитель препираше, и философъ уста смотрениемъ загражаше* (СлЖитДмДон, с. 224).

Второй вид толкования – идентифицирующий (прием *транспозиции* по терминологии Е.М. Верещагина: [2]) – заключается в использовании на уровне предложения конструкции квалификации **В (есть) А** ('что есть что / кто есть кто / что есть кто' и под.). Ср.: (Григорий Богослов) «**Нынѣ** небо **свѣтлѣише**, ныне солнце высочаише и златовиднѣише» (цит. по: [5, с. 434]) – (Кирилл Туровский) *Нынѣ солнце красуяся к высотѣ въсходитъ и радуяся землю **огрѣвае**, – взиде бо нам от гроба **праведное солнце Христос** и вся **вѣрующая** ему спасаетъ (праведное солнце – Христос); Днесъ весна красуесться оживляючи земное естъство, и бурнии **вѣтри** тихо **повѣвающе** плоды гобъзуютъ <...> **Весна** убо красная естъ **вѣра Христова**, яже крещениемъ поражаетъ **человѣческое** паки естъство; бурнии же **вѣтри** – **грѣхотворнии помыслы**, иже покаяниемъ претворъшеся на добродѣтель душеполезныа плоды гобъзуютъ* (КТур, с. 416).

Третий вид толкования – *сравнительный* – осуществляется при употреблении в сложном предложении сравнительных оборотов, толкующих внутреннюю сущность символа путем использования мелиоративных / пейоративных образов – **А сходно / не сходно с В (по признаку С)**: (как пчела) *Азь бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но быхъ **аки пчела**, падая по **рознымъ цвѣтамъ**, **совокупляя медвенныи сотъ**, тако и азъ, по многимъ книгамъ **исѣбирая** сладость словесную и разум* (Моление, с. 398); (как звери) ***акы звѣрье жадають насытитися** плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы **всѣхъ** погубити, а горкое то имѣни и кровавое к **собѣпограбити**: **звѣрье ѣдие насыщаються**, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго **желаемъ*** (СВл, с. 448).

Следующие виды толкования проявляются только на уровне текста в целом. *Сопоставительная* параллелизация – **В и А, Д и В, тако и А** ('этот как тот'), например: *Не съставитъ бо ся корабль безъ гвоздѣи, ни праведникъ бесъ почитания книжьнааго. Красоту воину оружие и кораблю ветрила, **тако и праведнику почитание книжьное*** (Изб 1076, с. 259). *Противопоставительная* параллелизация – **не В, но А; не Д, но**

В... ('не тот, но этот'), например: *И уже не идолослужители зовемься, нъ христиане, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вѣчную. И уже не капище сътоино съграждаемъ, нъ Христовы церкви зиждемъ, уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, нъ Христос за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцю. И уже не жерътвенныя крове въкушающе, погыбаемъ, нъ Христовы прчистыя крове въкушающе, съспасаемъ* (ИларСлЗак, с. 589).

Современная метафора реализуется в контекстах, построенных по тем же принципам, что и древнерусское толкование: 1) атрибутивные словосочетания (*горький упрек, жидкие аплодисменты, мутное сознание, парафиновое лицо, постная физиономия, свежая злоба, сладкая мелодия, тусклый голос*); 2) генетивные конструкции (*закат жизни, калейдоскоп событий, колонна демонстрантов, нос лодки, паутина лжи, прелюдия боя, пролог событий, эхо похвал*); 3) конструкции квалификации, выражающие синтаксически обусловленное значение ('кто есть кто / кто есть что' (по отношению к человеку) – *бревно, ворона, заяц, колода, кряж, лиса, медведь, огарок, орел, свинья, слон, шляпа, чурбан*) и др. [8]. При помощи конструкций квалификации строится также современное толкование, сохраняющееся в лексикографии и учебной литературе.

Наш материал показывает, что в «Слове о житии и учении святого отца нашего Стефана» Епифания Премудрого толкование впервые заменяется современным нам функционально-семантическим типом речи – *рассуждением*, устанавливающим причинно-следственные связи между явлениями при помощи доказательства истинности какого-либо утверждения.

Епифаний Премудрый доказывает глобальность деяний Стефана путем сопоставления значимости создания эстетически совершенной церкви Благовещения в Пермской земле с значимостью самого праздника Благовещения и месяца марта в священной истории, что подчеркивается многократным повторением ключевых лексических единиц: *Оустави же ся таковы праздникъ праздновати месяца марта в 25 день, рекше, яко сии праздникъ есть зачало всѣмъ праздникомъ*

великымъ господьскимъ, и яко се есть начатокъ спасению нашему, емоу же и тропарь настоящи послонешествоуетъ рекши: день спасению нашему начатокъ, и вѣчнѣи тайнѣ явление... Яко се есть мартъ месяцъ начало всѣмъ месецемъ, иже первыи наречетъ въ месецехъ, емоу ж свидѣтельствууетъ Моисии законодавецъ, глаголя: месецъ же вамъ первы въ месецехъ да боудеть мартъ <...>. Да елма ж оубо мартъ начало есть всѣмъ месецемъ, и всемоу лѣтоу, и всѣмъ еже в годоу временомъ, поне ж бо мартъ есть началныи месецъ, и в началномъ месецѣ началныи праздникъ [да яко ж благовѣщение началныи есть праздникъ] праздникомъ и спасению нашему начатокъ, и вѣчнѣи тайнѣ явление <...>. Тако же и церкви пермьская, начатокъ спасению Пермьския земля, и вѣрѣ Христовѣ явление (ЖитСт, с. 23). (Ср.: *начатокъ спасению нашему / день спасению нашему начатокъ / начало / началныи / в началном / началныи / началны / начатокъ – начатокъ спасению Пермьския земля, вѣчнѣи тайнѣ явление – вѣрѣ Христовѣ явление*). В завершающем аргументе рассуждения Епифания Премудрого происходит отождествление церкви Благовещения, созданной Стефаном, с Церковью вообще, с верой в Христа: *Събери, Господи, люди своя расточеныя и овца своя заблуджышаа, и введи я' въ церковь святоую твою, приедини я' къ святѣи своеи съборнѣи апостольстѣи церкви* (ЖитСт, с. 23–24).

Таким образом, рассмотренные способы организации древнерусского текста демонстрируют процесс представления действительности в языковой картине мира Древней Руси от *описания – повествования – толкования к описанию – повествованию – рассуждению*, что отражает смену концептуальных форм ментальности и, по образному выражению В.В. Колесова, «взросление мысли в категориях языка» [4, с. 5].

В заключение необходимо подчеркнуть, что проблема выражения оценки в древнерусском тексте в рамках взаимодействия основных типов восприятия действительности (концептуальных форм мышления) и представления действительности (способов текстообра-

зования) требует дальнейшего изучения в плане диахронии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1.

The study was performed with financial support of Russian Foundation for Humanities; project “Assessment and conceptual forms Russian mentality in diachrony”, № 16-34-00020 а1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова, И. А. Способы толкования символа в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук / Антипова Ирина Александровна. – Владимир, 2010. – 157 с.
2. Верещагин, Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – 1982. – № 6. – С. 105–114.
3. Горшков, А. И. Теория и история русского литературного языка / А. И. Горшков. – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.
4. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
5. Никольская, А. Б. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе / А. Б. Никольская // Сборник ОРЯС АН СССР. – Т. 101, № 3. – Л. : Наука, 1928. – С. 433–439.
6. Никольская, А. Б. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе / А. Б. Никольская // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А.С. Орлова. – Л. : Наука, 1934. – С. 191–200.
7. Пименова, М. В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М. В. Пименова. – СПб. ; Владимир : Филол. фак. СПбГУ : ВГПУ, 2007. – 415 с.
8. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 166 с.

ИСТОЧНИКИ

- Домострой* – Домострой / подгот. текста В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. Сер. XVI в. – М. : Худож. лит., 1985. – С. 70–173.
- Житие* – Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / под-

гот. текста В. Г. Дружинина. – Спб. : Тип. Императорской Академии наук, 1897. – 112 с.

Изб 1076 – Изборник 1076 года / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1965. – 1090 с.

ИларСлЗак – Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / подгот. текста А. М. Молдована // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. – М. : Худож. лит., 1994. – С. 583–619.

КТур – Литературное наследие Кирилла Туровского / подгот. текста И. П. Еремина // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : АН СССР, 1957. – Т. 13. – С. 409–426.

Моление – «Моление» Даниила Заточника / подгот. текста Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 388–399.

СВл – «Слова» Серапиона Владимирского / подгот. текста В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 440–455.

СкБГ – Сказание о Борисе и Глебе / подгот. текста Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 278–303.

СлЖитДмДон – Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича / подгот. текста М. А. Салминой // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 208–229.

Хождение Богородицы – Хождение богородицы по мукам / подгот. текста М. В. Рождественской // Памятники литературы Древней Руси. XII в. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 166–183.

ХождИгДан – Хождение игумена Даниила / подгот. текста Г. М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. XII в. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 24–115.

REFERENCES

1. Antipova I.A. *Sposoby tolkovaniya simvola v drevnerusskom tekste. Dis. ... kand. filol. nauk* [Methods of Interpretation of Symbol in the Ancient Text. Cand. philol. sci. diss.]. Vladimir, 2010. 157 p.
2. Vereshchagin E.M. *U istokov slavyanskoy filosofskoy terminologii: mentalizatsiya kak priem terminotvorchestva* [At the Origins of the Slavic Philosophical Terminology: Cognitive Complication as a Creative Technique in Term Building]. *Voprosy yazykoznanija*, 1982, no. 6, pp. 105-114.
3. Gorshkov A.I. *Teoriya i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Theory and History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 319 p.

4. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova* [The Philosophy of Russian Words]. St. Peterburg, YUNA Publ., 2002. 448 p.

5. Nikolskaya A.B. K voprosu o peyzazhe v drevnerusskoy literature [On Landscape Description in Old Russian Literature]. *Sbornik ORYaS AN SSSR*, vol. 101, no. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1928, pp. 433-439.

6. Nikolskaya A.B. K voprosu o "slovesnom portrete" v drevnerusskoy literature [On the Issue of "Verbal Portrait" in Old Russian Literature]. *Sbornik statey k 40-letiyu uchenoy deyatel'nosti A.S. Orlova* [Collected Articles to the 40th Anniversary of Academic Activity of A.S. Orlov]. Leningrad, Nauka Publ., 1934, pp. 191-200.

7. Pimenova M.V. *Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoy otsenki v drevnerusskom tekste* [Beauty Decorate: the Expression of Aesthetic Evaluation in the Ancient Text]. St. Peterburg, Vladimir, Filol. fak. SPbGU Publ., VGPU Publ., 2007. 415 p.

8. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. St. Peterburg, Filol. fak. SPbGU Publ., 2004. 166 p.

SOURCES

Domostroy [Domostroj]. Text edition by V.V. Kolesov. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI v.* [Literature Monuments of Old Rus. Mid. 16th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 70-173.

Zhitie sv. Stefana, episkopa Permskogo, napisannoe Epifaniem Premudrym [The Life of St. Stephen, Bishop of Perm, Written by Epiphanius the Wise]. Text edition by V.G. Druzhinin. St. Peterburg, Typ. Imperatorskoy Akademii nauk, 1897. 112 p.

Kotkov S.I., ed. *Izbornik 1076 goda* [The Izbornik of 1076 Years]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 1090 p.

Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [Literary Heritage of Cyril of Turov]. Text edition by I.P. Eremin. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury. T. 13* [Works by the Department of Old Russian

Literature. Vol. 13]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957, pp. 409-426.

Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati [Sermon on Law and Grace]. Text edition by A.M. Moldovan. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII v. Kniga 3* [Literature Monuments of Old Rus. 17th cent. Book 3]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994, pp. 583-619.

"Molenie" Daniila Zatochnika ["The Prayer" Daniel the Exile]. Text edition by D.S. Likhachev. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII v.* [Literature Monuments of Old Rus. 12th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 388-399.

Skazanie o Borise i Glebe [The Legend of Boris and Gleb]. Text edition by L.A. Dmitriev. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XI – nachalo XII v.* [Literature Monuments of Old Rus. 11th – beg. 12th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 278-303.

"Slova" Serapiona Vladimirsikogo ["Words" of Serapion of Vladimir]. Text edition by V.V. Kolesov. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII v.* [Literature Monuments of Old Rus. 13th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 440-455.

Slovo o zhitii i prestavlennii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha [An Account of the Life and Death of Grand Prince Dmitry Ivanovich]. Text edition by M.A. Salmina. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV v.* [Literature Monuments of Old Rus. 14th – mid. 15th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 208-229.

Khozhdenie bogoroditsi po mukam [The Circulation of the Virgin on Torments]. Text edition by M.V. Rozhdestvenskaya. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII v.* [Literature Monuments of Old Rus. 12th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 166-183.

Khozhdenie igumena Daniila [The Circulation of Abbot Daniel]. Text edition by G.M. Prokhorov. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII v.* [Literature Monuments of Old Rus. 12th cent.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 24-115.

MODES OF ANCIENT TEXT ORGANIZATION AND EVALUATION EXPRESSION

Marina Vasilyevna Pimenova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
pimenova-vgpu@yandex.ru
Gorkogo St., 87, 600000 Vladimir, Russian Federation

Abstract. The article considers functional-semantic units that present evaluation in Old Russian text. There are three types of evaluative (fr. *evaluatif* – *estimated*) word group

series offered, every series is viewed as a semantically completed segment of written language that builds an ancient text.

The first type is an evaluative description that is marked with attributive structures, it reflects the reality perception by enumeration of stative features of the object that might correspond or not correspond to the ideal of evaluation. These language units are found in original and translated Chronicles, hagiographies, stories, circulations.

The second type is an evaluative narrative, it reflects the reality perception in its temporal relations, that characterize the object of evaluation by means of action development or state changes with the meanings ‘make / create anything in accordance with the ideal of’ / ‘coming out of the ideal’. The narration is composed of verbal-adverbial patterns, it is typical of stories, hagiographies, Chronicles, sermons, its content dates to sermons and didactic literatures, folk tales.

The third type is an evaluative interpretation, it is marked in nominations which reflect assessment of internal essence of the object by setting its match or mismatch with ameliorative / pejorative object-the-model, it is represented in the patterns of object (phenomenon) qualification. These word group series are characteristic of hagiographies, Chronicles, sermons, stories, parables, Apocrypha, “renounced” books, dating both to the Bible and folk riddles. It is noted that in the text of Epiphanius the Wise interpretation is replaced by reasoning.

Key words: ancient text, axiology, semantic and functional types of text, description, narrative, interpretation, reasoning.